

ПОСТИЖЕНИЕ ДУШИ ВОСТОЧНОГО ТАНЦА

Об авторе: Дженнифер (balady@ozemail.com.au) танцует беллиденс более 14 лет. Ее оригинальный подход делает ракс шарки легкодоступным как исполнителю, так и аудитории, и при этом не отрывает стиль от его традиций и аутентичной культуры. Дженнифер преподает и выступает в Сиднее, Австралия.

Однажды El-Fransawi, бывшая танцовщица труппы Mahmoud Reda, сказала, что иностранцам вне зависимости от их уровня мастерства никогда не удастся почувствовать «ruh», или душу восточного танца. Она считает, что именно душа танца, а не техника, делает его таким могущественным, и, более того, что овладеть этой душой могут только рожденные в странах Востока.

«У них [Soheir Zaki, Samia Gamal] арабская музыка и танец в крови. Они слышат музыку и начинают танцевать так, будто ритм пробуждает нечто, сокрытое очень глубоко ... [и из новых танцовщиц современности] только Lucy естественна, другие могут быть хороши, но они не чувствуют танец» ('Beauty & The Beast', The Palace Magazine, Issue 27).

Критика танцевальных выступлений всегда субъективна, но также она требует присутствия некой объективности, чтобы ее можно было использовать как инструмент для развития. На мой взгляд, заключения, сделанные El-Fransawi, необоснованны и вместо того, чтобы стимулировать развитие таланта и способностей, разубеждают танцовщиц в стремлении достичь превосходства.

По этой причине я обязана оспорить данные заключения.

Мне кажется, заявление «никто никогда не почувствует дух» оказывает восточному танцу огромную медвежью услугу, так как подразумевает, что все лучшее уже было и больше никогда не повторится, и отрицает ценность всех танцовщиц, танцующих в наши дни. Кроме того, эти слова усиливают негласную убежденность многих танцовщиц в том, что им никогда не достичь более-менее высокого уровня мастерства, и неважно, сколько они при этом работают, учатся и тренируются в танце.

Более того, я в корне не согласна с утверждением, что дух более важен, чем техника. Человек не может выразить дух танца, не располагая для этого определенными техническими средствами. Природный талант – это всего лишь потенциал: для его реализации нужны тренировки и развитие навыков. Техника – это инструмент, который физически «озвучивает» нематериальный дух тела-сознания.

Приведу некое уравнение:

Техническое мастерство + музыкальность + артистичность = чувство танца + стиль = душа танца.

Запад поставляет Востоку громадное количество туристов. Западные танцовщицы путешествуют на Средний Восток в поисках «аутентичного танца» и учатся у учителей, которые им его обещают, но на деле получают только бесконечную хореографию. Не похоже, что внимание к технике расценивается там как нечто ценное, способное научить движению. И в итоге поощряются стилизации и имитации, которые по самой своей природе лишены какого бы то ни было «духа».

Традиционно танец передается от поколения к поколению посредством наблюдения и подражания, но теперь, когда он стал популярным женским увлечением и даже профессией, появилась отчетливая необходимость в технической базе. Это утверждение крайне важно в свете того, что восточный характер танца должен быть защищен от западной гибридизации.

Возможно, сомнения, взращиваемые в обществе танцовщиц беллиденса, являются хорошо продуманным инструментом маркетинга, который поддерживает среди танцовщиц спрос на педагогические услуги исключительно «аутентичных» учителей.

Естественно, мы, танцовщицы Запада, не можем надеяться на то, чтобы смотреть на танец глазами Lucy, Soheir или Samia, но ведь их опыт – не наш. Опыт формирует убеждения, взгляды и предпочтения, и именно эти составляющие вкуса делают нас и нашу работу индивидуальными и уникальными. Никто никогда не сможет полностью симитировать другого человека. Это невозможно.

Возможно, El-Fransawī имеет в виду, что восточный танец – целиком и полностью арабский, и поэтому его дух никогда не сможет понять танцовщица другого происхождения?

В ответ на это я, как человек, знакомый с ориенталистским подходом к средневосточной культуре, признаю, что культурная индивидуальность имеет место. Свидетельства этому появляются, когда «традиционный» танец танцуется западными исполнителями в полном «традиционном облачении», но без всякой мысли о культурном значении или контексте танца, присущем данному стилю. И даже когда, казалось бы, все элементы учтены, конечный результат заставляет многих уроженцев арабского мира задуматься, а где же, собственно, в этом танце мы и наша культура.

Попытки удержать восточный танец в его «прошлом» (в начале 19 века) неминуемо обеспечат нам ситуацию, когда это искусство устареет и превратится в диковинку, на которую можно будет взглянуть в музеях и театрах. Позиционирование же восточного танца как исключительно театрального искусства сделает его более уважаемым и социально приемлемым, но уничтожит всякий контакт с аудиторией, а ведь именно контакт с аудиторией отличает восточный танец от других танцевальных жанров.

Неглубокие взгляды на танец могут быть очень разрушительными. Подход карт-бланш, когда дозволено все, когда все виды смешиваются и подпадают под синтез, а эксцессы костюмирования становятся нормой и кажутся более важными, нежели сам танец, когда единственный способ развития – это больше-лучше-быстрее-ярче-громче-умнее-запутаннее, – такой подход полностью уничтожает любую душевность, к которой в танце может стремиться исполнительница.

Но, говоря это, я твердо убеждена, что существует подход, при котором исполнение восточного танца может эффективно учитывать его происхождение, традиции и историю, и вызывать эмоциональный отклик у зрителя, будь то уроженец Среднего Востока или европеец.

Как восточный танец может избавиться от реакционеров, традиционалистов, ориенталистов и тех, кто хочет смешать его с другими стилями? Как сохранить восточный танец живым и преодолеть прозаичный и, что парадоксально, одновременно фэнтезийный подход, который сегодня преобладает в этом искусстве?

Как мы, танцоры, страстно любящие наш танец, можем сохранить его ценным видом искусства? Ценным по меркам времени, в котором живем? Ценным для зрителя? Ценным средством выражения музыки? Мне кажется, мы как серьезные исполнители (неважно, в каком стиле и на каком уровне мастерства мы танцуем) должны сформулировать и структурировать подход, который поддержит и будет питать наше искусство.

Исторические и антропологические исследования танца превосходят числом и доминируют по важности над не менее важными исследованиями физических аспектов стиля, которые формируют характер выступления. Нет необходимости делать здесь обзор существующих идей; вместо этого я бы хотела исследовать три важнейших

понятия, которые применимы ко всем танцам, но особенно эффективно в сложившейся ситуации могут быть использованы в беллиденсе. Эти три понятия – техника, музыкальность и контекст.

Техника – это средство, позволяющее выражать музыку физически, подобно тому, как слова являются физическим выражением мысли. Танцору необходимы техники так же, как говорящему – слова. Техника становится лексиконом, языком танцора, и при помощи этого языка танцор демонстрирует зрителю свое чувствование музыки. Техника включает три базовых принципа: структурная техника, механика тела и репертуар.

Техника структуры формирует основу танца и лежит в основе всех танцевальных видов. Ее составляющими элементами являются поза, равновесие, использование веса и выравнивание скелета. Эти элементы в свою очередь определяют характер движения и его эстетику.

Механика тела и знание основ его функционирования, знание строения и работы мышц и суставов, физиологии утомления, помогает в предотвращении травм и облегчает танцевание и изучение танца. Вкупе со знанием динамики движения – инерции и кинетической энергии – механика тела обуславливает максимальную свободу художественного выражения. Танец становится продуманным, техничным, «бесшовным» и легким на вид.

Существует репертуар движений, свойственных тому или иному стилю, этот репертуар во многом основан на общей танцевальной традиции, но постоянно развивается благодаря интерпретационным навыкам танцора. Репертуар составляется из движений, которые создаются на основе знания метода (то, «как» делается движение), так что, например, один и тот же степ становится возможным повторять снова и снова, и при этом он всегда будет выглядеть одинаково. Знание метода увеличивает творческую свободу, так как позволяет освободить тело-сознание от постоянного вспоминания движения и дает возможность уделить большее внимание восприятию музыки, ее

характера и нюансов.

Музыкальность – это интуитивный отклик танцора на характер, настроение и инструментовку музыкального произведения. Чтобы этот отклик гармонировал с намерением сочинителя музыки, необходимо придать ему направление, что делает сама музыка. Музыка – это хореограф, который всегда ставит восхитительные постановки и дает бесконечные возможности для творчества при условии, что танцор чутко улавливает его указания и всегда им следует.

Не спрашивайте: «Что мне делать с этой песней?» Спросите: «Что говорит мне музыка? Как я ее ощущаю?» Ритм, удары, мелодия, инструментальный состав, стиль и настроение направляют отклик танцора в рамках законов жанра и создают качественный, солидный танец, наполненный смыслом и энергией музыки и танцора.

Наконец, важнейшим элементом является контекст танца. Внимание к контексту особенно важно для танцоров, исполняющих танцы чужих культур. Контекст включает в себя характер места, где исполняется танец, уместность данного танца при данном типе аудитории и прочих обстоятельствах, ожидания аудитории от танца и возможность аудитории его понять.

Что касается места исполнения, то стиль танца должен ему соответствовать. Недостаток проницательности в данном случае может испортить даже самое зрелищное выступление и свести его к любительскому уровню. Вне зависимости от того, предстоит выступать в театре, ресторане, ДК, ночном клубе или на свадьбе, следует проанализировать сценическое и окружающее сцену пространство. Какие мысли, эмоции оно вызывает? Какие ограничения накладывает? Какими преимуществами обладает? Следует принять во внимание покрытие пола, объем доступного места и освещение. Хотя многое здесь не поддается изменению, планирование и изменение возможного существенно улучшает итоговый результат.

Затем следует проанализировать аудиторию. Кто они – зрители? Насколько хорошо они знают восточный танец? Чего они ждут от выступления? От танцовщицы? Смогут ли они оценить полноценное выступление в стиле Ashra Balady или же им нужно нечто более легкое и доступное? Зачастую прекрасный танец падает жертвой не определенных исполнителем ожиданий аудитории. Проведя исследование, танцовщица подготовит к выступлению как себя, выбрав стиль, музыку, костюм, так и зрителей, подобрав все это с учетом их предпочтений. В итоге танец принесет обеим сторонам больше удовольствия.

Успешность танца обуславливается тем, как он подается. Содействие танцевальному выражению может оказать исполнение танцовщицей роли. Но роль эта – нечто большее, чем притворство, она должна основываться на личном опыте танцовщицы, иначе танец будет выглядеть лживо.

Также успешности танца способствует представление о нем как о живом существе, которое рождается, взрослеет и развивается, усваивая нравы и обычаи аудитории. Вспомните, что «пожилые» танцы или «традиционные» стили, которые сегодня до сих

пор почитаются и копируются, сами по себе являются амальгамой множества стилистических, музыкальных и культурных норм времени своего расцвета.

Душа или «ruh» танца может быть прочувствована и раскрыта, когда у нас есть для этого определенные средства. Вне зависимости от этнического происхождения танцора, использование этих средств позволяет ему развить природные способности и реализовать потенциал. Путь вперед бесконечен, но если каждый элемент (осанка, техника, музыкальность и знание контекстуальных связей) постоянно тренируется, танцор всегда находится в состоянии эволюции и перемены и делает в искусство танца лишь положительный вклад.

Если мы будем подходить к восточному танцу именно таким образом, конечный результат будет далек от той ненатуральности, что сегодня захватила это искусство и разъедает его, посягая на культуру многих людей арабского мира.

Беллиденс станет «правильным», адекватным восхвалением арабской музыки, ее истории, форм, цветов, чувств и юмора – а танцовщица явится живым воплощением Души Восточного Танца.

